

Institute for the History of Material Culture Russian Academy of Sciences
State Historical, Literary and Landscape Memorial Preserve "Mikhailovskoe"
named after A. S. Pushkin (Pushkin preserve)
Museum Department of Finland

Институт истории материальной культуры Российской академии наук
Государственный мемориальный историко-литературный и природно-ландшафтный
музей-заповедник А. С. Пушкина «Михайловское»
Музейное ведомство Финляндии

*Devoted to 30th anniversary
of the friendly cooperation of archaeologists
of Russia and Finland (1976–2006)*

SLAVS, FINNS AND OUGRIEN

The Zones of Contacts and Cooperation

The Papers of Russian-Finnish symposium
on the Problems of Archaeology and History
Pushkinskije Gory
2004, October, 7–10

Editorial board
A. N. Kirpichnikov, E. N. Nosov, A. I. Saksa

Saint-Petersburg
2006

*Посвящается 30-летию
дружеского научного сотрудничества археологов
России и Финляндии (1976–2006 гг.)*

СЛАВЯНЕ И ФИННО-УГРЫ

Контактные зоны и взаимодействие культур

Доклады Российско-Финляндского симпозиума
по вопросам археологии и истории
Пушкинские Горы
7–10 октября 2004 г.

Санкт-Петербург
2006

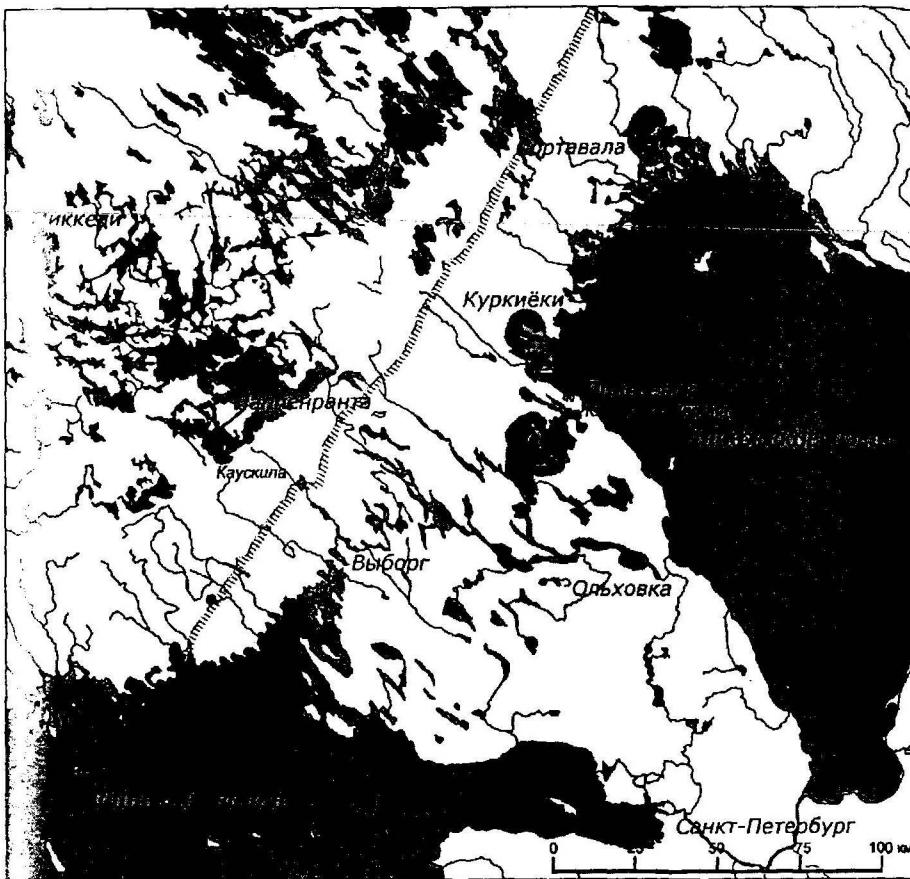

Рис. 1. Карта поселенческих центров древней Карелии и Саво

В. Н. Седых

Скандинавы, финно-угры и славяне в Тимерёве

Тимерёвский археологический комплекс (ТАК) под Ярославлем (рис. 1) достаточно хорошо исследован в полевом отношении. Его материалы активно используются при решении историко-археологических проблем эпохи раннего средневековья Древней Руси. Это касается, прежде всего, вопросов славянского освоения лесной полосы Восточной Европы, а именно времени появления славян на Северо-Востоке, состава двигавшегося туда населения, роли скандинавов в этих процессах, характера взаимоотношений с субстратным финно-угорским населением. Общепринятое в настоящее время является точка зрения о достаточно раннем (IX в.) проникновении славян в этот регион и о смешанном составе колонизационных потоков — славяне, скандинавы, финны Северо-Запада (Третьяков 1970; Седов 1982; Дубов 1982).

Тимерёвский курганный могильник исследуется уже более 130 лет и по-прежнему перспективен для полевого изучения — в его составе есть насыпи, подвергшиеся в прошлом грабительским или непрофессиональным раскопкам. Часть таких насыпей была исследована автором в 1984–1990 гг., когда были получены новые и важные материалы (Седых 1997: 28–32; Sedyh 2000: 173–197; 2001а: 173–188), о которых, в частности, докладывалось на советско-финляндском симпозиуме по археологии в мае 1986 г. (Дубов, Седых 1992: 115–123). Поселение, открытное в 1972 г., исследовалось в 1972–1978, 1983–1990 гг. Материалы первого этапа раскопок поселения опубликованы (Дубов 1982: 124–187). В целом, проработка всего комплекса данных раскопок могильника и поселения, а также находок кладов позволяет попытаться более детально реконструировать историю поселения у дер. Большое Тимерёво.

Ранняя история этого торгово-ремесленного центра видится следующим образом. Около середины IX в. (по материалам кладов и наиболее ранних погребений некрополя) на никем не занятую территорию на одном из притоков р. Которосль (притока Волги) продвигается смешанное в этническом отношении население. Весь-

ма заметен в нем скандинавский компонент, как наиболее выразительный на фоне малоинвентарных комплексов ранних погребений могильника. Как правило, такие погребения, совершенные по обряду трупосожжения на стороне практически без сопровождающего инвентаря, исследователи относят либо к славянским (И. И. Ляпушкин, В. В. Седов, И. В. Дубов), либо к финским (М. В. Фехнер, Н. Г. Недошивина). Вместе с тем, сравнение последних с рядовыми погребениями этого же времени могильников Скандинавии, в первую очередь, Швеции и Аланских островов, показывает их идентичность. Это касается вариантов обряда погребения, подкурганных каменных конструкций, погребального инвентаря (керамики, предметов быта и вооружения). Вполне вероятно, что основанное на некотором расстоянии от основной трассы Балтийско-Волжского торгового пути, на удобных почвах, поселение на первых порах задумывалось как чисто сельское, аграрное. Однако благодаря активности части населения, прежде всего скандинавов, вскоре жители Тимерёва включаются в торговые операции, осуществляемые в зоне Великого Волжского пути, свидетельством чего являются предметы импорта и крупные по меркам второго периода обращения дирхама клады. Так, на сегодняшний день в состав клада 1973 г., обнаруженного при раскопках поселения, входят 2762 монеты. Клад 1968 г. содержит 1515 монет. Клад, обнаруженный годом раньше (примерно на том же месте), по предварительной оценке включал в себя не менее 3100 экземпляров монет (Седых 2003). Все три клада по младшим монетам датируются 60-ми гг. IX в. Арабские монеты были единым эквивалентом стоимости товаров на всем пространстве Восточной и Северной Европы. На монетах первых двух кладов зафиксированы граффити, среди которых имеются рунические, в том числе надпись «бог», что подчеркивает непосредственную связь кладов из Тимерёва с севером Европы. К IX в., кроме материалов кладов, относится серия скандинавских погребений в курганах с каменными конструкциями (ладья, круг и его варианты) и ранними импортами.

В материалах ТАК известно значительное число скандинавских находок — фибулы различных типов и иглы от них, браслеты, перстни, в том числе с изображением сокола, различные привески, гривны с молоточками Тора, гребни, предметы вооружения, игральные шашки, острая из рога и др. Следует обратить внимание на находки на поселении и в могильнике керамики с загнутым внутрь венчиком (рис. 2). Такие сосуды, разнообразные по своим пропорциям, составляют, по свидетельству Д. Селлинга, большой процент керамики из памятников раннего средневековья на территории Швеции (тип AIV: 3a), при этом истоки данной формы прослежены и в более ранних материалах — это так называемые кумфы позднеримского времени. Варианты сосудов типа 9 (по нашей классификации) соответствуют группе керамики местного производства (*einheimische Keramik*), найденной на территории Швеции (тип AIV). Эта группа местной керамики имеет наибольшее распространение в период с четвертой четверти IX столетия до 1000 г. (Selling 1955: 166–174, 226). В Тимерёве сосуды этого типа датируются тем же временем, что и в Швеции (Седых 2001б: 155). Кроме Швеции, аналогичные сосуды происходят из курганов на Аланских островах (Гакман 1901: 108–112; Kivikoski 1963; 1980), поселений Дании, Германии и др. (Madsen 1971: 64–105, fig. 66, 67, 69; Knudsen, Schiørring 1992: 15; Meier 1998: 120, abb. 3, 1, 2; и др.).

В материалах могильника сосуды типа 9 представлены, главным образом, в погребениях по обряду трупосожжения, совершенных на подсыпке на месте сооружения кургана с использованием деревянных конструкций, а также при трупо-

положениях, в том числе в камерных могилах. Они входили в состав погребального инвентаря, а также использовались в качестве урн, в том числе обложеных камнями и накрытых камнем (например, курган № 263-II) или массивной железной пластиной (курган № 202). Захоронения сопровождались кальцинированными костями животных (лошадь, корова, баран, собака) и необожженными скелетами или отдельными костями курицы — обычными атрибутами скандинавских погребений Фенноскандии.

В составе комплексов, где обнаружены данные сосуды, среди наиболее частых находок можно назвать костяные орнаментированные гребни, шипы, поясные наборы, гирьки, копоушки, привески-астрагалы бобра, шкатулки, различные украшения, скандинавские фибулы, заклепки, импортную посуду и др. Особо следует отметить находки в комплексах с рассматриваемой керамикой кусков воска, лепешек из теста, нанизанных на железную проволоку, и глиняных лап и колец. Новые находки подтверждают наличие сильной связи глиняных лап и колец с предметами погребального инвентаря (помимо керамики), в том числе с предметами культа (например, железный обруч с миниатюрным молоточком Тора в кургане № 474 могильника)¹ и деталями погребальной обрядности (например, каменное кольцо в кургане № 209) скандинавского происхождения. Сравнительный анализ комплексов с лапами из могильников на Аланских островах и в Ярославском Поволжье позволяет утверждать их тождественность (Седых 1995: 60–67). Кроме того, в комплексах Ярославского Поволжья найдены лапы специфически аландской, по Э. Кивикоски, формы (Седых 1995: 63, рис. 2, 1) — рис. 3. Таким образом, есть основания предполагать прямое проникновение лап с Аланских островов в период активных и тесных связей Ярославского Поволжья с Фенноскандией. Наличие выходцев с Аланских островов определенно фиксируют в материалах погребений Тимерёва как отечественные (Фехнер, Недошивина 1987: 87), так и шведские исследователи (Jansson 1987: 781–784; Callmer 1994: 13–46).

Частой находкой в комплексах поселения (в могильнике известна лишь одна находка в комплексе кургана № 297 с камерным погребением) являются глиняные грузила от вертикального ткацкого станка, которые служат достаточно четким индикатором скандинавского компонента в материалах памятников (Седых 1995: 56–60).

В X в. количество и ассортимент привозных северных вещей увеличивается, а количество погребений, совершенных по норманнскому обряду, снижается. Но именно во второй половине этого столетия мы фиксируем появление больших и богатых курганов Тимерёвского могильника. Среди них погребения в камерах, как мужские, так и женские, парные (мужчина-скандинав и женщина финно-угорского происхождения), сопровождавшиеся находками монет, торгового инвентаря, богатыми поясными наборами, фибулами, предметами культа, остатками богатых узденческих наборов, шкатулок с предметами роскоши и т. п. В 50 % камерных и срубных захоронений встречен торговый инвентарь — монеты, весы и гирьки. Десять из 14 выявленных камерных и срубных захоронений Тимерёва — скандинавские (Дубов, Седых 1993: 143–152).

Как показали специальные исследования, военная традиция и социальный состав населения Тимерёва остаются, в целом, неизменными на протяжении всего X – первой половины XI в. (Недошивина 1991: 165–181). Несомненно, что веду-

¹ По мнению И. Янссона, сочетание железной гривны и глиняной лапы является отчетливым этническим индикатором эмигрантов с Аланских островов и из Средней Швеции (округ оз. Меларен).

шую роль в военной организации Тимерёва играли скандинавы. Наличие выходцев из Скандинавии, которые «жили в Ярославском Поволжье семьями и постоянно», отмечают и московские исследователи (Фехнер, Недошивина 1987: 87). При этом отмечаются параллели со Средней Швецией, Аланскими островами, а в последних публикациях — с Данией и Южной Норвегией (Недошивина, Фехнер 1985: 114).

В конце X – начале XI в. скандинавские элементы в материалах комплекса перестают прослеживаться отчетливо.

Исследования керамического материала показали, что в комплексах поселения (как и некрополя) ясно прослеживается высокая степень смешанности населения в начальный период существования Тимерёва (Седых 1982: 111–117; 1985: 66–78; 1988; 1998: 131–141; Смирнова 1987: 90–102). Преобладающим, очевидно, являлось финно-угорское население, которое было сложным по составу. По существу мы имеем ряд разрозненных элементов материальной культуры финно-угорского происхождения, фиксируемых в Волго-Окском междуречье, не дающий возможности соотнести их с конкретной финно-угорской группировкой. Однако среди смешанного финского населения Тимерёва отчетливо фиксируется местное население волжско-финского происхождения — аналогии некоторым формам сосудов известны только в древностях волго-окских группировок. Взаимодействие финно-угров с пришлым, смешанным в этническом плане населением, судя по керамическим материалам, началось достаточно рано — уже в IX в.

Наиболее отчетливо в материалах Тимерёва представлен «прикамский комплекс», включающий в себя костяные орнаментированные кокошники, орнаментированный гребень с высокой спинкой, которая завершается зооморфными украшениями в виде стилизованных звериных головок, обращенных друг к другу, кресало с бронзовой ручкой в виде голов зверей, повернутых друг к другу, роговую рукоять Т-образной формы со сквозными отверстиями для шильев и своеобразную по форме и технологии изготовления прикамскую керамику — с круглым или округло-уплощенным дном, богато орнаментированную, изготовленную из глины с примесью толченой раковины (Седых, Макарова 2001: 95–99). Рассмотренные материалы с очевидностью свидетельствуют о миграции групп пермского населения Прикамья на территорию Ярославского Поволжья в эпоху раннего средневековья. Один из комплексов погребения содержал в инвентаре бронзовый браслет (Седых 2001а: 185, рис. 1), который исследователи относят к украшениям мещеры (Рябинин 1995: 81–102).

О присутствии собственно славян на основании анализа керамического материала можно говорить, лишь начиная с середины — второй половины X в. М. В. Фехнер и Н. Г. Недошивина датируют проникновение славян в Ярославское Поволжье временем не ранее второй половины этого же столетия (Недошивина, Фехнер 1985: 114; Фехнер, Недошивина 1987: 87). По мнению А. Е. Леонтьева, древнерусская колонизация Волго-Клязьминского междуречья начинается в середине X в. (Леонтьев 1996: 293). В материалах Тимерёва, как и древнерусских селищ IX – начала XI в. на северо-востоке Руси, трудно выявить «славянский комплекс» материальной культуры. Вместе с тем, как совершенно правильно отмечает А. Е. Леонтьев, его наличие и безусловный приоритет в сложении древнерусского населения в регионе ни у кого сомнений не вызывают. В целом, славянские украшения редки и встречены в поздних комплексах, в керамическом наборе славянская посуда относится к сосудам редких форм, которые немногочисленны и не составляют устойчивых и представительных серий в отличие от керамики финской.

Многоэтничный состав населения Тимерёва в IX–X вв. отражает процесс освоения новых земель, на первых порах, очевидно, при незначительном участии в нем славянского населения. Тимерёво — первое поселение в Волго-Клязьминском междуречье, основанное выходцами извне. В отличие от более поздних поселений этого региона, Тимерёво возникло на необжитом месте и не связано напрямую с памятниками предшествующего времени, как это имело место в мерянской земле, прежде всего в районах озер Неро и Плещеево и в Ополье (Леонтьев 1996). На раннем этапе весьма заметна роль выходцев из Финноскандии, принесших в регион, наряду с предметами быта, оружием и украшениями, элементы духовной культуры — курганный способ захоронения и предметы культа — глиняные лапы.

Основными занятиями жителей центра были торговля, ремесла и военное дело, что нашло отражение в материалах комплекса. Вместе с тем, население Тимерёва занималось сельским хозяйством, охотой, рыболовством, различными промыслами. Выделенные категории импортов свидетельствуют о прочных связях Тимерёвского центра со Скандинавией, Востоком и Византией. Время расцвета Тимерёва — середина X в. — совпадает с расцветом восточной торговли. Наличие богатых дружинных захоронений некрополя Тимерёва, в том числе совершенных в деревянных камерах и срубных могилах, захоронений женщин и детей в больших и богатых курганах, отдельных «усадеб» на поселении отражают процесс дальнейшего расслоения общества в середине — второй половине X в. и начало процесса формирования древнерусской народности на этой территории. С включением территории Ярославского Поволжья в состав древнерусского государства Тимерёво, учитывая его имевшийся потенциал, могло играть роль пункта княжеской власти на местах — погоста и одновременно опорного пункта для дальнейшего освоения финно-угорских земель. В первой половине XI в. в силу, прежде всего, ряда внешних причин, активная жизнь на поселении замирает, и во второй половине XI–XII в. Тимерёво продолжает существовать уже как рядовое древнерусское поселение.

Литература

- Гакман 1901 — Гакман А. Археологические раскопки в Аландии летом 1901 г. // ИАК. СПб. 1901. № 38. С. 108–112.
- Дубов 1982 — Дубов И. В. Северо-Восточная Русь в эпоху раннего средневековья. Историко-археологические очерки. Л.: Изд-во ЛГУ, 1982.
- Дубов, Седых 1992 — Дубов И. В., Седых В. Н. Новые исследования Тимерёвского могильника // Древности славян и финно-угров: Доклады советско-финляндского симпозиума по вопросам археологии 16–22 мая 1986 г. СПб.: «Наука», 1992. С. 115–123.
- Дубов, Седых 1993 — Дубов И. В., Седых В. Н. Камерные и срубные гробницы Ярославского Поволжья // Историческая этнография (Проблемы археологии и этнографии). СПб.: Изд-во СПбГУ. Вып. 4. С. 143–152.
- Леонтьев 1996 — Леонтьев А. Е. Археология мери: К предыстории Северо-Восточной Руси. М.: «Геоэко», 1996.
- Недошивина 1991 — Недошивина Н. Г. Предметы вооружения, снаряжение всадника и верхового коня Тимерёвского могильника // Материалы по средневековой археологии Северо-Восточной Руси. М., 1991. С. 165–181.
- Недошивина, Фехнер 1985 — Недошивина Н. Г., Фехнер М. В. Погребальный обряд Тимерёвского могильника // Советская археология 2. 1985. С. 101–115.

- Рябинин 1995 — Рябинин Е. А. Средневековая мещера: опыт историко-культурной интерпретации // Древняя Русь: новые исследования (Славяно-русские древности). СПб.: Изд-во СПбГУ, 1995. Вып. 2. С. 81–102.
- Седов 1982 — Седов В. В. Восточные славяне в VI–XIII вв. // Археология СССР. М.: «Наука», 1982.
- Седых 1982 — Седых В. Н. Керамика Тимерёвского поселения (предварительное сообщение) // Северная Русь и ее соседи в эпоху раннего средневековья. Л.: Изд-во ЛГУ, 1982. С. 111–117.
- Седых 1985 — Седых В. Н. К характеристике лепной керамики Ярославского Поволжья // Материалы к этнической истории Европейского Северо-Востока. Сыктывкар: Изд-во Сыктывкарского гос. ун-та, 1985. С. 66–78.
- Седых 1988 — Седых В. Н. Керамическое производство Ярославского Поволжья IX–XIII вв.: Автoref. дис... канд. ист. наук. Л., 1988.
- Седых 1995 — Седых В. Н. Изделия из глины на памятниках Ярославского Поволжья IX–XI вв. // Проблемы истории Северо-Запада Руси (Славяно-русские древности). СПб.: Изд-во СПбГУ, 1995. Вып. 3. С. 55–72.
- Седых 1997 — Седых В. Н. Большие курганы Древней Руси // Беларусь у сістэме ўніверсальных культурных связяў. Гісторычна-археалагічны зборнік. Мінск, 1997. № 11. С. 28–32.
- Седых 1998 — Седых В. Н. Керамическое производство Ярославского Поволжья IX–XIII вв. (некоторые итоги и перспективы исследований) // Гісторычна-археалагічны зборнік. Мінск, 1998. № 13. С. 131–141.
- Седых 2001а — Седых В. Н. Новые данные к истории Великого Волжского пути // Великий Волжский путь. Материалы Круглого стола «Великий Волжский путь» и Международного научного семинара «Историко-культурное наследие Великого Волжского пути». Казань: «Мастер-Лайн», 2001. С. 173–188.
- Седых 2001б — Седых В. Н. Об одной группе лепной керамики на памятниках Древней Руси // Тверской археологический сборник: 4. Тверь: Изд-во Тверского гос. объединенного музея. Т. II. С. 153–158.
- Седых 2003 — Седых В. Н. Ярославское Поволжье эпохи раннего средневековья в исследованиях кафедры археологии Санкт-Петербургского университета // Археология: история и перспективы. Первая межрегиональная конференция. Сб. статей. Ярославль, 2003. С. 267–278.
- Седых, Макарова 2001 — Седых В. Н., Макарова В. В. Этнокультурные импульсы в Ярославское Поволжье в конце I тыс. н. э. по материалам изделий из кости (предварительное сообщение) // Миграции и оседлость от Дуная до Ладоги в первом тысячелетии христианской эры. Пятьте чтения памяти Анны Мачинской. Материалы к чтениям. СПб., 2001. С. 95–99.
- Смирнова 1987 — Смирнова Л. И. Лепная керамика Тимерёвских курганов и проблема этнической атрибуции // Советская археология 2. 1985. С. 90–102.
- Третьяков 1970 — Третьяков П. Н. У истоков древнерусской народности // Материалы и исследования по археологии СССР 179. Л.: «Наука», 1970.
- Фехнер, Недошивина 1987 — Фехнер М. В., Недошивина Н. Г. Этнокультурная характеристика Тимерёвского могильника по материалам погребального инвентаря // Советская археология 2. 1987. С. 70–89.
- Callmer 1994 — Callmer J. The Clay Paw Burial Rite of the Åland Islands and Central Russia: A Symbol in Action // Current Swedish Archaeology. 1994. Vol. 2. P. 13–46.
- Jansson 1987 — Jansson I. Communications between Scandinavia and Eastern Europe in the Viking Age // Abhandlungen der Akademie der Wissenschaften in Göttingen. Göttingen, 1987. Nr. 156. S. 781–784.

- Kivikoski 1963 — Kivikoski E. Kvarnbacken. Ein Gräberfeld der jüngeren Eisenzeit auf Åland. Helsinki.
- Kivikoski 1980 — Kivikoski E. Långängsbacken. Ett gravfält från yngre järnåldern på Åland // SMYA. № 80. Helsingfors.
- Knudsen, Schiørring 1992 — Knudsen B. M., Schiørring O. Fra grubehus til grillbar. Horsens i 1000 år. Horsens.
- Madsen 1971 — Madsen H. J. Keramik // Andersen H. H., Crabb P. J., Madsen H. J. Århus Søndervold en byarkæologisk undersøgelse: 64–105. København.
- Meier 1998 — Meier D. Winning — Eine wikingerzeitliche Siedlung am Ufer der inneren Schlei // Studien zur Archäologie des Ostseeraumes. Von der Eisenzeit zum Mittelalter. Neumünster.
- Sedyh 2000 — Sedyh V. Timerevo — un centre proto-urbain sur la grande voie de la Volga // Les centres proto-urbains russes entre Scandinavie, Byzance et Orient. Actes du Colloque International tenu au Collège de France en octobre 1997, édités par M. Kazanski, A. Nercessian et C. Zuckerman (Réalités byzantines 7): 173–197. Paris: P. Lethielleux.
- Selling 1955 — Selling D. Wikingerzeitliche und frühmittelalterliche Keramik in Schweden. Stockholm.

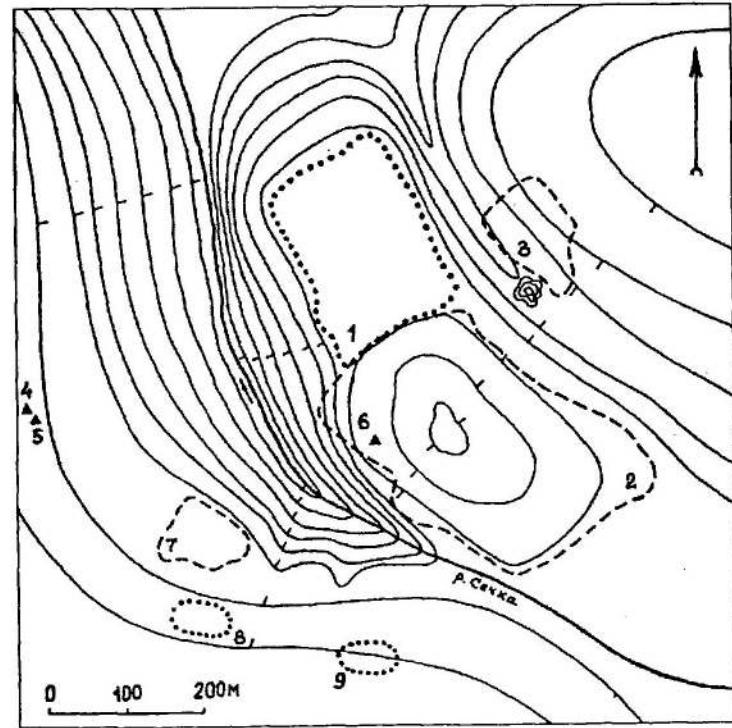

Рис. 1. План Тимерёвского археологического комплекса:

1 — курганный могильник у дер. Большое Тимерёво; 2 — основная площадка поселения; 3 — площадка поселения у дер. Большое Тимерёво; 4 — клад арабских монет 1967 г.; 5 — клад арабских монет 1968 г.; 6 — клад арабских монет 1973 г.; 7 — площадка поселения у дер. Малое Тимерёво; 8 — курганный могильник у дер. Малое Тимерёво; 9 — курганный могильник у дер. Гончарово

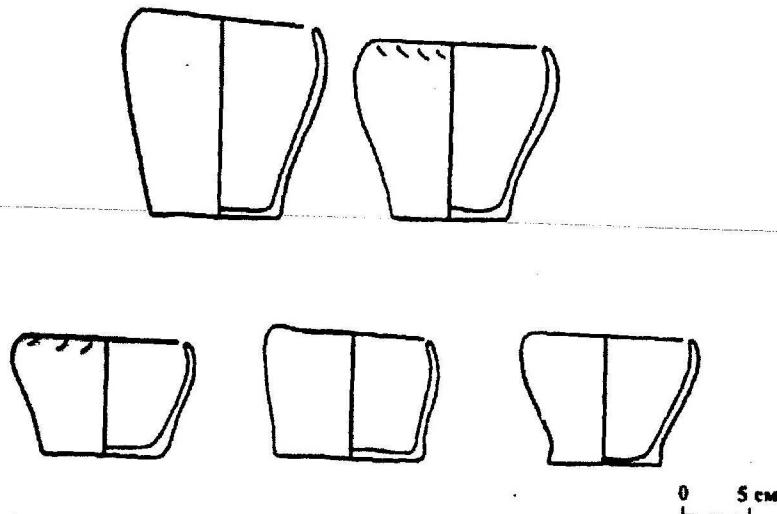

Рис. 2. Скандинавская глиняная посуда из погребальных комплексов Тимерёва

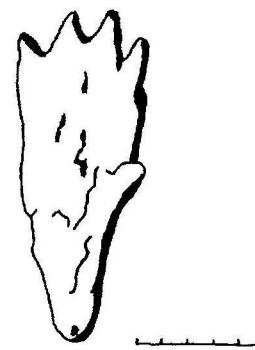

Рис. 3. Глиняная лапа аланской формы из погребальных комплексов Тимерёва

П. П. Толочко

Киев и Искорostenь в середине X века

Взаимоотношениях столицы Руси Киева и столичного города Древлянского княжества Искорostenя середины X в. достаточно полно рассказывается в «Повести временных лет». Нынешний исследователь, разумеется, не обязан верить всему написанному в ней, однако и не учитывать эти свидетельства он также не может. Нет и малейшего сомнения в том, что, облаченные в фольклорную сюжетную форму, они отражают конкретные исторические реалии, связанные с непростыми процессами сложения территории Киевского государства. В них, по существу, идет речь об изменении характера отношений Киева и Древлянского княжества.

События 944 г., приведшие к восстанию древлян и казни киевского князя Игоря, показали, что неупорядоченные даннические отношения, по большому счету, не устраивали ни одну из сторон. При этом древляне требовали от Киева установления нормированной дани и сохранения автономии своей земли, а Киев, соглашаясь с необходимостью юридического упорядочения выплаты даней, не намерен был больше признавать эту самую автономию. Логика строительства единого государства требовала от него централизации структуры власти. «Светлые и великие князья», о которых упоминается в русско-византийских договорах, по мнению Киева, должны были уступить свое место представителям киевской администрации.

Конечно, это не могло произойти совершенно мирным порядком. Конфликты сторон были неизбежны, что и отразили полусказочные сюжеты о сватовстве к Ольге древлянского князя Мала, а также об ее мести древлянам за убийство мужа.

Начальный летописный рассказ о древлянско-киевском противостоянии обнаруживает два существенных обстоятельства.

Первое заключается в том, что уже в княжение Игоря в Древлянскую землю был определен киевский наместник. Им стал воевода Свенельд, получивший право сбора дани с древлян. В пользу такого предположения свидетельствует летописная фраза о недовольстве Игоревой дружины тем, что отроки Свенельда «изо-